

Геннадий Казанцев

Сквозь века

<https://litres.ru/74247128>

SelfPub; 2026

Аннотация

Фельдшер выездной бригады Андрей отстал от экскурсии в музейном дворе под Римом — и очнулся на невольничьем рынке. В настоящем Древнем Риме. Без языка, без имени, без единого знакомого лица на всём белом свете.

У него нет ни антибиотиков, ни капельниц, ни чистого бинта. Зато есть руки, которые тысячу раз держали чужую жизнь, — и в мире, где умирают от загноившейся царапины, эти руки дороже золота. Его покупает старик, сам сведущий во врачевании. Покупает не из жалости. У старика умирает единственный сын, задыхается на глазах, и все учёные лекари бессильны.

Теперь Андрею предстоит спасти ребёнка, которого он даже не может обследовать. Только голова и руки. И тонкая, невидимая грань между тем, кого чтут как спасителя, и тем, кого объявят отравителем и отправят на крест.

Содержание

Глава 1. Тот, у кого нет имени	4
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Геннадий Казанцев

Сквозь века

Глава 1. Тот, у кого нет имени

Первым вернулся запах.

Андрей ещё не открыл глаза, а нос уже сказал ему: что-то не так. Пахло не так, как должно пахнуть в музейном дворе под Римом, где он минуту назад стоял, отстав от группы. Не было ни разогретого камня, ни кофе из автомата, ни сладковатой пыли туристических тропинок.

Пахло дымом. Горелым жиром. Гнилью, которую несло откуда-то снизу, от воды. И людьми — плотным, кислым запахом множества немытых тел, какой бывает в переполненном автобусе в жару, только гуще, злее.

Он открыл глаза и не понял, что видит.

Толпа. Со всех сторон толпа — но одетая неправильно. Мужчины в чём-то вроде длинных мешковатых рубаш до колен, перехваченных верёвкой. Женщины закутаны в ткань, наброшенную поверх головы. Ни одного знакомого силуэта. Ни джинсов, ни кроссовок, ни рюкзаков. Ни телефона в поднятой руке.

«Съёмки, — подумал Андрей, и мысль эта была спасительной и глупой. — Историческая реконструкция. Кино».

Он огляделся, ища камеры, отражатели, человека с планшетом и наушниками. Их не было. Была узкая улица, зажатая между глухими стенами домов из грубого кирпича. Была грязь под ногами — настоящая, чавкающая, в которую он, оказывается, уже влез своим правым ботинком по щиколотку. Была стена вони, от которой к горлу подкатывала тошнота.

И была тишина. Не полная — вокруг гомонили, кричали, где-то ревел осёл, — но в этом шуме не хватало чего-то, к чему привыкло ухо за всю жизнь. Не было гула машин. Не было ни единого механического звука. Мир вокруг звучал так, будто из него вынули весь металл и оставили только живое: голоса, копыта, скрип дерева.

— Эй.

Слово он не понял, но интонацию понял сразу. Так окликают чужого.

Перед ним стояли двое. Не актёры — это Андрей осознал всем телом, каким-то животным чутьём, раньше, чем головой. У актёров не бывает таких глаз. Один был приземистый, с лицом, будто вырубленным из старого дерева, с белым шрамом через бровь. Второй помоложе, повыше, и смотрел с брезгливым любопытством — как на дохлую крысу необычной масти.

На обоих были кожаные куртки с металлическими бляхами, а на поясе — короткие мечи. Не бутафорские. Настоящее железо тускло блестело на солнце, и от одного этого

блеска у Андрея пересохло во рту.

Коренастый что-то спросил. Резко, коротко. Андрей не разобрал ни звука — язык был чужой, шершавый, с рычащими нотами.

— Я... — начал Андрей и услышал собственный голос как чужой. — Я не понимаю. Где я? Что это за место?

Он говорил по-русски. Он знал, что это бессмысленно, но других слов у него не было.

Двое переглянулись. Молодой усмехнулся и что-то сказал — с той самой ноткой, с какой во все века и на всех языках говорят: «глянь, дикарь». Коренастый не улыбнулся. Он шагнул ближе, медленно обошёл Андрея кругом, разглядывая его одежду — синюю ветровку, серую футболку, джинсы, ботинки. Протянул руку и пощупал ткань куртки на плече. Что-то буркнул, недоверчиво.

А потом резким, коротким движением ткнул Андрея тупым концом древка в спину.

Не сильно. Но в этом тычке было всё, чего Андрей никогда прежде не знал: полное, спокойное безразличие к тому, человек перед ним или вещь. Так подталкивают ленивую скотину. Так двигают мебель.

— Иди, — сказал коренастый. Слова Андрей не понял, но подчинился телу, а не словам: руке на спине, направлению древка, взгляду, не оставлявшему выбора.

И он пошёл.

Он шёл, а мир вокруг разворачивался и не желал склады-

ваться ни во что понятное. Улица вывела на площадь, огромную, вымощенную каменными плитами, стёртыми до блеска тысячами ног. И вот тут Андрей понял, что это не съёмки, не реконструкция и не сон, — понял окончательно, и от этого понимания у него подкосились колени.

Потому что реконструкцию можно оглядеть целиком и увидеть край: где кончаются декорации и начинается парковка. А здесь края не было. Здания уходили вверх, тяжёлые, настоящие, покрытые копотью и подтёками времени. Между колоннами сидели люди — торговали, ели, спали. У ступеней какого-то храма мочился на угол оборванец, и никто не обращал внимания. Пробежала стайка чумазных детей. Прокovskyл старик с гноящимися глазами, выставив перед собой миску. Прошли, покачиваясь, носилки, которые тащили четверо потных мужчин, а из-за занавески выглянуло на миг накрашенное женское лицо и снова спряталось.

Это был живой город. Он вонял, кричал, дышал, испражнялся и молился — весь сразу. И он был совершенно, безнадёжно чужим.

«Я сошёл с ума, — подумал Андрей почти спокойно. — Инсульт. Я лежу сейчас там, во дворе, и мне всё это снится, пока меня везут в больницу».

Мысль была бы утешительной, если бы не боль. Камень под тонкой подошвой ботинка. Резь голода — он не ел с утра. Тычок древка, снова, когда он замешкался. Сумасшествие так не болит. Так болит только реальность.

Его вели через площадь, мимо колонны — высокой, белой, с выющимся по ней снизу вверх каменным узором из крохотных фигурок. Андрей скользнул по ней взглядом и не задержался: ему было не до колонн. Он смотрел на лица. Искал хоть одно, которое поняло бы его. Не находил.

Они спустились к реке. Мутная, жёлто-бурая вода несла мусор и щепки. У берега покачивались лодки и что-то большое, широкое, с которого босые люди снимали и таскали на плечах глиняные кувшины размером с человека. И там же, чуть в стороне, стоял помост.

Вокруг помоста была толпа. Плотная, ленивая, будто собравшаяся поглазеть на уличного циркача. А на самом помосте стояли люди.

Их было человек десять. Мужчины и женщины, молодые и не очень. Кто-то стоял понуро, опустив голову. Кто-то ту-по смотрел в одну точку. На шеях у некоторых висели деревянные дощечки с надписями. Одна девочка, лет двенадцати, беззвучно плакала, и слёзы прочерчивали чистые дорожки по её грязным щекам.

Ноги у Андрея стали ватными. Он ещё не знал этого слова на их языке. Но тело знало, что это такое. Всякое тело это знает.

Рынок.

Коренастый подтолкнул его к деревянным ступеням. Андрей упёрся — впервые, инстинктивно, всем существом отказываясь идти туда, наверх. Тогда второй, молодой, корот-

ко ударил его под колено, и Андрей споткнулся, взлетел на две ступени, едва не упав лицом, и оказался наверху — на виду у всех.

Сотни глаз повернулись к нему. И в этих глазах не было ни жалости, ни ненависти. Была только оценка. Его разглядывали так, как он сам когда-то, целую жизнь назад, разглядывал в магазине курицу: свежая ли, не подгнил ли бок, стоит ли своих денег.

К нему подошёл толстяк с маслянистым лицом и золотой серьгой в ухе. Ухватил Андрея за подбородок жирными пальцами, повернул его лицо к свету — влево, вправо. Больно сдавил щёки, заставляя открыть рот, и заглянул внутрь, как ветеринар. Потом ощупал плечи, руки, недовольно поцокал языком: мяса маловато. Задрал рукав ветровки, уставился на молнию, дёрнул её вверх-вниз — и что-то забормотал толпе, тыча пальцем в застёжку, будто показывал фокус.

Толпа загудела. Кто-то засмеялся.

Андрей стоял, и внутри у него было пусто и холодно, как в выключенном холодильнике. Он — фельдшер выездной бригады, тридцати одного года, человек, который тысячу раз держал в руках чужую жизнь, качал сердце, останавливал кровь, — стоял голым товаром перед чужой толпой и не мог сделать ничего. Совсем ничего.

Толстяк выкрикивал что-то, воздевая руки. Показывал на диковинную одежду, на молнию, на прочные швы ботинок. Набивал цену на чудо. Но чудо было тощим, немолодым по

здешним меркам и явно бесполезным для тяжёлой работы, и покупатели отворачивались.

Торг шёл вяло. Кто-то бросил короткое слово — толстяк оскорблённо замахал руками. Другой сказал что-то, и вокруг засмеялись, а толстяк побагровел. Цена, кажется, падала. Андрея продавали всё дешевле, и он понимал это по тому, как менялся голос сирийца — из зазывного в раздражённый, а потом в почти умоляющий. Никому не был нужен варвар в шкуре невиданного зверя, который не годился ни для каменоломни, ни для поля.

И тут случилось то, что перевернуло всё.

В задних рядах кто-то упал.

Андрей услышал сначала вскрик, потом гулкий стук тела о камень. Толпа качнулась, расступилась. На земле бился человек — немолодой, хорошо одетый, в добротной светлой накидке. Лицо его посинело, глаза закатились, тело выгибалось судорога. Рядом заголосила женщина. Двое рабов метнулись к упавшему, но замерли, не зная, что делать, — только всплёскивали руками да причитали.

И вот тут случилось то, чего Андрей от себя не ждал.

Он не думал. Тело сработало само, раньше головы, — так, как срабатывало сотни раз на вызовах, когда думать некогда. Он сорвался с места, скатился по ступеням помоста, растолкал плечом опешивших зевак — и упал на колени рядом с бьющимся человеком.

Кто-то схватил его сзади за ворот — коренастый страж-

ник, — но Андрей вывернулся.

— Не держать голову! — крикнул он по-русски, отталкивая руки рабов, которые пытались зажать упавшему рот. — Набок! Поверните его набок, он захлебнётся!

Слов его не понимал никто. Но руки говорили понятнее слов. Он перевернул судорожно бьющееся тело на бок, придержал голову, чтобы человек не разбил её о камень, освободил горло. Быстро, привычно провёл пальцами — проверить, не запал ли язык, свободны ли дыхательные пути. Он делал то, что умел лучше всего на свете, — и в эти секунды впервые с того мгновения, как открыл глаза в чужом мире, он снова был собой.

Судорога пошла на убыль. Тело человека обмякло, дыхание — хриплое, тяжёлое, но ровное — вернулось. Синева сходила с лица.

Вокруг стало очень тихо.

Андрей поднял голову. Толпа смотрела на него теперь по-другому. Уже не как на товар. С чем-то вроде суеверного ужаса. Кто-то торопливо сделал пальцами знак — отвести дурной глаз.

А прямо перед собой Андрей увидел старика.

Тот стоял в двух шагах, опираясь на резную палку. Немолодой, худой, с прямой спиной и лицом, изрезанным морщинами. Одет он был просто, без всяких украшений, но что-то в нём — в осанке, в спокойствии, в том, как расступилась перед ним толпа, — говорило: это человек, которого слушают.

Старик смотрел на Андрея. Долго. Не на его странную одежду — на его руки, ещё лежавшие на груди спасённого. На лицо. В глаза.

Потом медленно перевёл взгляд на толстяка-торговца. И сказал одно короткое слово.

Толстяк засуетился, залебезил, назвал, видимо, цену. Старик едва заметно качнул головой — и назвал свою. Толпа тихо ахнула: должно быть, цена была унижительно мала. Торговец всплеснул руками, запричитал, но старик уже отвернулся, будто вопрос был решён. И торговец, помявшись, махнул рукой.

Так Андрея купили. Дёшево — дешевле, чем стоил здесь хороший мул. Не за силу, которой в нём не было. Не за молодость, которой уже не осталось. А за то короткое, страшное и прекрасное мгновение, когда он на глазах у всех вернул человека с того света.

Старик подошёл ближе. От него пахло чистой шерстью и какими-то травами. Он оглядел Андрея сверху вниз ещё раз, внимательно, и заговорил — негромко, размеренно.

Андрей не понял ни слова.

Он только смотрел в спокойные, глубокие глаза старика и чувствовал, как отпускает наконец ледяной ком в груди. Не потому, что стало безопасно. Безопасно не было. А потому, что впервые в этом чужом мире на него посмотрели не как на вещь.

Старик коротко кивнул — сам себе, будто подтверждая

какое-то решение, — повернулся и пошёл. Раб-проводящий мягко, но настойчиво тронул Андрея за локоть: иди следом.

И Андрей пошёл. У него не было имени, которое здесь могли бы произнести. Не было языка. Не было ни единого человека на всём белом свете — на всём этом чужом, огромном, живом свете, — кто знал бы, кто он такой.

Но у него были руки. И, как оказалось, руки здесь стояли дороже, чем он думал.

Он ещё не знал, что этими руками ему предстоит спасать и убивать, что за них его будут благословлять и проклипать, что из-за них он однажды окажется на волосок от гибели — и на волосок от свободы. Не знал, в каком он городе и в каком веке. Не знал даже имени старика, ставшего его хозяином

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.